

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. О. КОСВЕН

СЕМЕЙНАЯ ОБЩИНА

(*Опыт исторической характеристики*)

I

Семейная община или большая семья¹ — историческая общественная форма, представляющая собой основную ячейку первобытно-общинного, родового строя. Форма эта свойственна прошлому всех народов, она исторически универсальна². Большая семья сохраняется в том или ином виде и при классовом строе в условиях сохраняющегося в нем первобытно-общинного уклада. У некоторых народов она удерживалась в этих условиях с особенной стойкостью и у ряда народов доживала до нашего времени.

Экономическая и общественная сущность большой семьи складывается из следующих основных начал: коллективной собственности, составляющей главнейшее основание данной формы, в такой мере, что семейная община существует постольку, поскольку сохраняется это начало, далее — коллективного производства, коллективного потребления, общественного равенства всех ее членов и демократизма ее внутренних отношений и управления. Существование семейной общины обусловлено низким уровнем развития производительных сил, свойственных эпохе родового строя, отсюда — хозяйственной необходимостью тесной кооперации и более или менее крупного производственного коллектива. С развитием производительных сил эта необходимость постепенно изживается, семейная община начинает распадаться, указанные начала, на которых она зиждется, постепенно разрушаются, и в конечном счете окончательно распадается и прекращает свое существование сама семейная община.

¹ В литературе циркулирует и ряд других наименований этой группы, из коих приведенные — наиболее удачные и вместе с тем наиболее распространенные. Мы будем пользоваться обоими этими терминами безразлично.

² В буржуазной литературе, — особенно отчетливо впервые немецким реакционным историком Августом Мейцеком (A. Meitzen, *Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slaven*, 3 vls, Berlin, 1895; vol. II, pp. 214, sq), — был выставлен получивший некоторое распространение взгляд, по которому семейная община была объявлена специфической особенностью славянских народов, что объяснялось их склонностью к коммунизму, причем славяне противопоставлялись другим народам, в частности германцам, склонным якобы к «индивидуализму». Взгляд этот однако был перед лицом очевидных фактов опровергнут и оставлен самой буржуазной наукой; ср., например, A. Dopsch, *Die ältere Sozial- und Wirtschaftsverfassung der Alpendslaven*, Weimar, 1909, pp. 149—150.

Наиболее известным, ставшим классическим, образцом семейной общины сделалась югославянская за друга. Не меньшей известностью пользуется, хотя гораздо скуднее была описана, великорусская большая семья. Некоторые сведения имеются о семейной общине, сохранявшейся до недавнего времени, изредка встречающейся и сейчас, у народов Кавказа. Доживали свой век еще в XIX в. большие семьи, помимо Балкан, и в некоторых других местностях Европы, в Закарпатской Украине, в Швейцарии, в Испании, на Пиренеях, на западе Норвегии. Сохраняются и посейчас большие семьи в Китае, в особенности южном. Большие семьи свойственны и многим современным отсталым народностям в различных местах земного шара, однако соответствующие данные всегда крайне беглы³. Наконец, следы больших семей сохранили письменные памятники и литература древнего мира и средневековья, как западного, так и восточного.

Несмотря на ее широкую распространенность, несмотря на ее крупную общественно-историческую роль, семейная община довольно поздно сделалась предметом научного внимания и изучения, оставшись и по сей день в конкретных ее образцах недостаточно описанной, а в общетеоретическом плане неудовлетворительно исследованной⁴. К тому же, существующие описания дают обычно общие характеристики большой семьи у данного народа или у данной этнической группы, тогда как монографическое описание одной определенной большой семьи, что с научной точки зрения являлось бы наибольшей ценностью, составляет в литературе исключительную редкость. Даже югославянская за друга, вызвавшая сравнительно большую, во всяком случае, неизмеримо большую, чем все другие образцы семейной общины, литературу, описывалась скорее только в общих чертах, в общем, историческом, экономическом, юридическом или политическом, плане. Наконец, существующие описания и характеристики семейной общины отдельных народов, равно как и ее общие трактовки, рассматривают эту форму преимущественно статически, разве бы речь шла о ее правовой или политической истории. Между тем, большая семья, будучи формой исторической, имеет и сама свою внутреннюю, так сказать, органическую историю, притом весьма сложную, и изучение этой истории является основным путем к ее познанию.

Восстановить эту историю во всей полноте — задача, за крайней недостаточностью материала, вряд ли теперь достижимая. Мы решаемся все же сделать попытку охарактеризовать, в значительной мере беглым образом и отвлеченно, основные этапы развития и распада семейной общины, осветив вместе с тем основные, наиболее важные с исторической точки зрения, стороны ее внутренних и внешних отношений.

В силу сказанного мы основываемся преимущественно на описаниях югославянской за други и былой великорусской большой семьи.

³ Буржуазная полевая этнография долго и упорно не замечала большую семью, и лишь в самое последнее время отдельные этнографы, в особенности исследователи Южной Америки, обратили на эту форму внимание. См., например: P. Fejos. *Ethnography of the Jagua*, New York, 1943; C. Nimuendaju, *The Eastern Timbira*, Berkeley and Los Angeles, 1946; P. Radin, *Indians of South America*, New York, 1942; Ch. Wisdom, *The Chorti Indians of Guatemala*, Chicago, 1940; A. J. Tanpous, *The arab village community of the Middle East*, «Annual Report of the Board of Regents, Smithsonian Institution, for the year 1943», Washington, 1944.

⁴ Историография вопроса о семейной общине мы посвятили специальные обзоры: «Семейная община. К истории вопроса», «Известия Академии Наук СССР. Серия истории и философии», т. III, № 4, 1946 и особо — семейной общине на Кавказе: «Очерки по этнографии Кавказа», гл. I, «Семейная община», «Советская этнография», 1946, 2.

* * *

В обычном и широко распространенном представлении семейная община считается специфической принадлежностью патриархального родового строя. Это выражается, между прочим, тем, что она часто именуется «патриархальной семейной общиной» или «патриархальной большой семьей». На деле семейная община была основной ячейкой родового строя на всем протяжении его истории, свойственна, таким образом, и эпохе матриархата. Это — наблюдаемая иногда и сейчас в сохраняющихся матриархальных обществах материнская семья, — сравнительно большая родственная группа, состоящая из 4—5 поколений, потомков одной женщины. Материнская семья представляет собой единое хозяйство, единый производственный и потребительский коллектив и, в условиях полностью осуществленных начал первобытно-общинного строя, является совершенным воплощением этого строя⁵. Материнская семья остается основной общественной ячейкой на всем протяжении развития матриархата: как в силу экономической обусловленности большой семьи, так и в силу присущих матриархату форм брака, группового и парного. В эту эпоху нет места и не существует малой, индивидуальной семьи как отдельной хозяйственной и общественной группы.

С переходом от матриархата к патриархату, материнская семья подвергается превращению, вместе с превращением всего строя первобытного общества. Изменение производственных отношений, в частности и в особенности изменение общественно-трудовой роли мужчины и женщины, изменение формы брака, переходящего к моногамии и прочному патрилокальному поселению супругов, — таковы причины, непосредственно обуславливающие превращение материнской семьи в патриархальную. Именно это превращение основной ячейки родового общества составляет центральное ядро всего процесса превращения матриархата в патриархат.

Находясь в плену так называемой «патриархальной теории», обычное, можно сказать, непререкаемое, представление о семейной общине состоит в том, что она является соединением или совокупностью малых семей, — откуда ее названия: «сложная», «соединенная» и пр. семья — и возникает в результате размножения исконной малой семьи, причем эта размножившаяся семья не разделяется, а сохраняет общее владение, единое хозяйство и пр. Ходячее изображение этого возникновения семейной общины гласит, что, после того как семья и хозяйство были созданы неким отцом, сыновья его, сколько бы их ни было, женись, остаются при отце и отцовском хозяйстве со своими женами и детьми. Умирает отец, сыновья не делятся, на место умершего главы семьи становится самый старший или самый способный из сыновей, с его смертью заступает другой сын, и т. д. Юристы, озабоченные обоснованием «юридической природы» большой семьи, особо подчеркивают роль в данном случае наследования, имеющего при таких условиях коллективный характер: после смерти отца (без этой смерти обойтись никак не могут!) имущество, составлявшее частную собственность умершего, не делится, наследство, как выражаются юристы, «не открывается», наследственная масса становится общей собственностью семьи. Отсюда еще одно наименование большой семьи: «наследственная община» (Erbgemeinschaft немецких юристов). Другой взгляд состоит в том, что тогда как индивидуальная семья является начальной и исконной формой, большие семьи возникают в результате соединения или «союза»

⁵ Некоторые данные о материнской семье см. в нашей работе: «Матриархат, Этнографические материалы», «Ученые записки Московского ордена Ленина Государственного университета», вып. 61, «История», т. II, М., 1940.

нескольких малых семей по тем или иным соображениям. Наконец, некоторое отступление от этих позиций составляет допущение, что архаически существовали одновременно и рядом как малые семьи, представляя собой проявление «естественного индивидуализма», так и большие семьи, причем малые семьи разрастались в большие, а последние дробились на малые и пр.

В конечном счете все эти взгляды сводятся к вящему утверждению патриархальной теории и в особенности — утверждению изначальности частной собственности. Малая, индивидуальная семья, как общественная форма, не существовала как при матриархате, так и при патриархате, ее не знал первобытно-общинный строй на всем протяжении своей истории, вплоть до его распада. Как будет показано, малая семья могла возникнуть и должна была возникнуть именно и только в условиях этого распада, как результат распада большой семьи, став выразительницей и воплощением новых общественно-производственных отношений.

Существует еще взгляд на происхождение большой семьи, по которому она была объявлена образованием искусственным, продуктом феодально-крепостнической, в частности фискальной политики: поскольку, мол, семья была тягловой или податной единицей, малые семьи, разрастаясь, не делились либо соединялись в большие семьи в целях облегчения себе податного бремени; с другой стороны, сама феодально-помещичья власть была заинтересована в существовании больших, экономически сильных семей в качестве более надежных исполнителей или плательщиков повинностей. Все это говорилось применительно к югославской задруге, со ссылкой на влияние византийской фискально-налоговой системы VIII—IX вв. и последующей, введенной на Балканах турками, системы распределения натуральных повинностей, равно как относительно русской большой семьи эпохи крепостного права. Изложенный взгляд, в таком общем и обязательном смысле решающий вопрос об историческом возникновении большой семьи, ошибочен. Феодальная и помещичья власть, действительно, играла не малую роль, однако не в создании, а в консервации семейной общины, притом уже в эпоху ее распада. К этому вопросу мы вернемся ниже.

Еще об одном ошибочном взгляде на семейную общину следует упомянуть. Некоторые толкователи «природы» большой семьи пытались отрицать ее родственный характер. Этот взгляд в известной мере свойственен был представителям так называемой «теории трудового начала» или «артельной теории»⁶. Сказался он, например, в таком определении задруги, какое мы находим в старом Энциклопедическом словаре: «маленькое общество, состоящее из нескольких семей, связанных не столько родством, сколько связями экономическими и территориальными»⁷. В доказательство того, что семейная община — не чисто родственный коллектив, указывалось, в частности, на нахождение в ней чужих, принятых в семью людей: приемышей, усыновленных, принятых в дом зятьев (русское приимачество, сербское домазетство), наконец, — работников по найму. Но все эти и иные виды принятия в семью чужих — весьма поздние явления. Они становятся возможными только в условиях глубокого распада первобытно-общинного и большесемейного строя, когда создается дифференциация богатых и бедных семей и когда только появляются, с одной стороны, богатые семьи, нуждающиеся в рабочих руках, а с другой стороны, бедные семьи, отпускающие свои излишние рабочие руки, появляются люди, готовые идти в чужую семью, либо даже бездомные одиночки. Еще более поздняя форма —

⁶ См. об этом нашу вышеназванную историографическую статью о семейной общине.

⁷ Энциклопедический словарь, изд. Брокгауза и Ефрона, т. XII, 1894, ст. «Задруга».

личный наем. Во всяком случае, все эти принятые в семью чужие составляют совершенно незначительный процент ее состава и никак не изменяют ее основной «природы»: семейная община была и оставалась, и исторически, и в основе своей, чисто родственной группой.

II

Представляя собой результат превращения материнской семьи, семейная община эпохи патриархата в начальной своей фазе полностью сохраняет свою унаследованную от матриархата первобытно-общинную сущность. Полностью сохраняется прежде всего начало коллективной собственности. Коллективной собственности соответствует и полное хозяйственное, производственное и потребительское, единство. Этот характер семейной общины хорошо выражается ее разнообразными наименованиями у различных народов.

Один ряд таких наименований, составляя общее выражение хозяйственного единства большой семьи, сводится к понятию дома-жилища или домохозяйства, или «двора», как отдельной усадьбы-хозяйства. Таковы: куча или куща («дом») или за дружна куча, особо распространенные у сербо-хорватов, дом, двор, дво-рище, изба — у восточных славян; таковы же грузинские са хли в значении «дом», «большая семья», осетинское хед зар — «дом», «двор», «домохозяйство» и пр. Таковы же и латинские термины *domus*⁸ и *familia*⁹.

Наряду с хозяйственным, и общественное единство большой семьи выражают термины южных славян: купщина или скупщина, дружина или дружество¹⁰, равно как *pedil i' spolek* у чехов.

Другой ряд терминов, вместе с понятием хозяйственного единства, характерным образом выражает и потребительское единство. Таковы: дым, камин — у южных славян, огнище и печище — на севере России, дым и то же печище — в литовско-русских актах, *feu* («огонь») — в Бургундии, *диди-оджах* («большой огонь» или «большой очаг») — у грузин. Сюда же относятся такие обозначения членов семейной общины, как санскритское *eka rakēna vasatam*, «совместно готовящие пищу», «один котел» — у кабардинцев, *chlebeti* — у чехов, *chlebojedz* у поляков, то же — определение членов большой семьи в литовско-русских актах как живущих «на том же хлебе, в одном дыму» или «в едином хлебе» — на Украине в XVIII в.

⁸ Именно в значении «большой семьи» употребляют термин *domus*, а тем более *universa domus* Тацит в «Германии» (XXI, XXV) и Цицерон: *una domus, omnia communia* (De offic., I, 17, 53).

⁹ Вопрос о значении термина *familia*, как известно, составляет предмет давней и непрекращающейся дискуссии (ср. новейшее: R. Henigou, Des origines du mot *familia*, «Antiquité classique», 10, 1941 — 11, 1942). Мы считаем, что исходная связь этого термина с понятием «жилища» является наиболее вероятной, и совершенно неправильно восходящее к Фесту (*Festus, v. famuli... unde et familia vocata*) объяснение *familia* из *famulus*, «раб», хотя бы потому, что большая семья существовала, а следовательно имела свое наименование задолго до возникновения рабства.

¹⁰ Получивший широкое распространение в литературе в качестве обозначения югославянской семейной общины термин *задруга* на деле, как это в свое время разъяснял Богишич, не известен народному языку южных славян в виде существительного, а употребляется лишь в форме прилагательного в выражении *задружна куча*, обозначая более многочисленную семейную общину, в отличие от менее численной, обозначаемой как *инокосна куча* или *инокоштина*; см. Б. Богишич, О несложной сельской семье у сербов и хорватов, «Журнал Министерства народного просвещения», 1885, 2. Аналогичны выражения *голѣма* (большая) *куча*, *голѣма купщина* или *кучна дружина* у болгар.

Наконец, ряд терминов, обозначая вообще родственное начало и применяясь также к другим, более широким родственным группам, иногда употребляется в качестве обозначения семейной общины. Таковы: род или рода у болгар, родина или велика родина в Западной Украине¹¹, жупа — у хорватов и черногорцев, колено, братство, племя — у македонцев и точно так же — в литовско-русских актах¹². Таков же, видимо, т. е. обозначает в основе своей родственное начало, славянский термин челядь (у болгар для обозначения многочисленной и малочисленной семьи: голъмата и малката челядь), хотя филологическое объяснение этого термина остается весьма спорным.

Семейная община эпохи патриархата состоит, как и материнская семья, из 4—5 поколений ближайших родственников, на сей раз — по отцовской линии, потомков одного предка, с женами мужчин данной группы. Старшее поколение такой патриархальной семьи состоит из нескольких братьев с их женами, иногда только из одного оставшегося в живых представителя этого поколения, следующее поколение — из сыновей с их женами, и т. д. Это, если принять хотя бы среднюю норму плодородности, составляет довольно многочисленную группу. Некоторое представление о численности патриархальных семейных общин в их былом состоянии дают существующие этнографические показания о прошлом, о старине. В старину у словинцев, например, численность задруги доходила до 200—300 человек, у болгар — до 250 человек или 80 работников. В различных показаниях по Кавказу довольно постоянным образом повторяется ссылка на то, что в прошлом большие семьи состояли из 100 и более человек. Одно показание о балкарцах сообщает о существовавшей еще в середине XIX в. семье в 183 человека. Сохранялась память о грузинской большой семье, в общем доме которой одновременно находилось 25 люлек. Еще в самое последнее время в селах Южного Китая отмечались семьи, состоящие из 4—5 поколений, численностью свыше 100 человек¹³.

Общее управление всей хозяйственной деятельностью патриархальной семьи принадлежит семейному совету. В значительной мере семейный совет регулирует и личную жизнь членов семьи. Так, вопросы о браке молодых членов семьи нередко не только обсуждаются, но и решаются всей семьей. В семейном совете имеют равный голос все взрослые члены семьи как мужчины, так и женщины, каждый — в меру его личного авторитета. Совет представляет собой орган, не имеющий, конечно, формального характера, но влияние его, влияние общего мнения семьи, не менее действительно. Если, таким образом, семейный совет является тем, что можно назвать высшей властью в семье, то ее исполнительным главой, в соответствии с патриархальным началом, является «старший» мужчина. Это обычно — действительно старший по возрасту, однако — не обязательно. В особенности в случае дряхлости или неспособности этого старшего, семью возглавляет другой из ее взрослых мужчин. Это — домашин или домакин, дядо, баша, господарь, кештовник, главатарь и пр. — у южных сла-

¹¹ М. Зубрицкий, Велика родина в Мшанци, Старосамбірського пов., «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», 73, 1906 (Львов).

¹² Это употребление одного и того же термина в качестве обозначения различных родственных групп, равно как и историческое изменение значений отдельных терминов (например, термина жупа), следовало бы учитывать при толковании источников, в особенности тем авторам, которые строят свои выводы только на основании терминов.

¹³ K. Biggerstaff. The peasant family, The chinese large family, its rôle and recent trends, in: C. F. Ware (editor), The cultural approach to history, New York, 1940, pp. 109—124.

вян, большак, набольшой, старшой — у русских, танутер («господин дома») — у армян, упросикаци («глава дома») — у грузин, хистер («старший») — у осетин и т. д.

Объем авторитета и власти главы семьи в значительной мере зависит от его личных качеств и может быть более или менее широким. Его основную функцию составляет управление хозяйственной деятельностью семьи. Это означает и распоряжение трудом всех взрослых ее членов. Хотя распределение хозяйственных функций между отдельными членами семьи производится в основном семейным советом, конкретное каждодневное распределение труда принадлежит «старшему»: он наряжает как мужчин, так и женщин, — последних, поскольку они участвуют в выполнении основных хозяйственных работ, — на каждодневные задания. Но, распоряжаясь трудом членов семьи, руководя и наблюдая за их работой, «старший» сам является первым в семье работником, первый подает пример другим. Чтобы быть главой семьи, пользоваться авторитетом, «старший» должен быть сам образцовым работником. Какова бы ни была власть главы семьи, власть эта далеко не неограничена: он всегда самым реальным образом считается с мнением семьи, во всех серьезных случаях советуется со старшими ее членами, причем наиболее серьезные вопросы решаются не им, а семейным советом. Глава семьи обладает и некоторой, в свою очередь ограниченной, дисциплинарной властью. Он может налагать на членов семьи, как младших, так и взрослых, как мужчин, так и женщин, легкие взыскания, даже физические. Однако в серьезных случаях, — так, например, практиковалось в Болгарии, — домашин должен был обращаться к суду всей семьи и являлся тогда только исполнителем принятого решения. В функции главы семьи входит, между прочим, и наблюдение за нравственностью молодых ее членов. Он является и главой семейного культа. Положение главы семьи, пользующегося большим уважением и почетом, обставлено и внешними знаками этого почета. В общем жилье семьи он занимает центральное или лучшее помещение, за общим столом сидит на почетном месте и возглавляет трапезу, иногда имеет свое особое место для сидения, и т. д. У удмуртов в каждой избе стоял около стола в переднем углу особый стул, на котором мог сидеть только глава семьи, даже в том случае, если им был не самый старший по возрасту. При всем том, положение главы патриархальной семейной общины полностью определяется известной формулой: *primus inter pares*.

В случае смерти главы семьи этот пост замещается одним из его братьев, иногда и не следующим по возрасту, а наиболее способным; может случиться, что «старшим» становится в таком случае один из мужчин следующего поколения. Решается данный вопрос общим мнением семьи, в известном смысле — выборами, хотя и не формальными. В Сербии, в виде редкости, домашин иногда избирался жребием. В Хорватии и Славонии глава семьи избирался часто только на один год или на иное короткое время и, если оказывался на месте, оставался надолго. Не редкостью было в Сербии, что когда домашин старел, он передавал свой пост, опять-таки с согласия семьи, одному из своих сыновей, наиболее способному, но не обязательно старшему, или же брату либо племяннику. Точно так же в старину в Архангельской губернии, если глава семьи пользовался авторитетом, то, умирая, сам «благословлял на хозяйство» либо своего брата, либо сына, но всегда — лучшего работника и пользующегося уважением семьи. В иных случаях пост «старшего» замещался избранием.

Наряду со старшим мужчиной, семейную общину возглавляет и старшая женщина: *домачица* или *домакиня* — у южных славян,

господарица — у словинцев, большуха или старшая — у русских, тантируи («госпожа дома») — у армян, и т. д. Область ведения этой «старшей» составляет домашнее в узком смысле или «женское» хозяйство. Являясь здесь полной распорядительницей как предметов и продуктов этого хозяйства, так и труда женщин по дому, домачица обладает в сфере своей деятельности значительным авторитетом, причем по отношению к женщинам властью не только в области хозяйства и труда, но в известной мере и в области личной жизни. Обладая в своей хозяйственной сфере всей полнотой власти, старшая женщина стоит в этой своей сфере выше мужского главы семьи, который без ее согласия не может ничем распорядиться из женского хозяйства. В свою очередь «старшая» пользуется большим почетом. Иногда в положении «старшей» сказываются несомненные пережитки матриархата: она обладает широким авторитетом в области всей жизни семейной общины. Ряд наблюдателей констатирует, например, что в китайской большой семье старшая женщина является иногда фактически подлинной главой семьи. «Теоретически, — пишут Леонг и Тао, — отец семьи обладает высшей властью, на практике однако мать является центром домашней жизни: она ведет все домашние дела и направляет все внешние сношения; заработки всех членов семьи отдаются матери; она решает все важные семейные вопросы, подыскивает невесту или жениха для детей и пр. «Таким образом, — заключают авторы, — очень далеко от истины представление, что женщина занимает низкое положение в китайской жизни»¹⁴. В Болгарии в качестве очевидного пережитка матриархата большая семья иногда называлась по имени старшей женщины. Пост «старшей» занимает обычно старшая по возрасту, однако это далеко не обязательно. Не редко, — например, у южных славян, — домачица бывает выборной, причем таковой может быть и не старшая по возрасту. В некоторых местах в Сербии домачица избиралась одними женщинами. Бывает часто, что «старшей» является жена мужского, главы семьи, однако и это не обязательно. Бывают случаи, что «старшей» избирается незамужняя девушка. У грузин-карталинцев «старшая» бывала обычно выборной, причем не обязательно старшая по возрасту и не обязательно жена мужского главы семьи; могла быть и девушка. Иногда «старшая» замещает мужского главу в случаях его временного отсутствия. Бывает, что со смертью «старшего» старшая женщина остается единоличной главой семьи, даже при взрослых женатых сыновьях. Женщина — глава задруги была не редкостью в особенности в Болгарии. В Архангельской губернии, при смене, вследствие смерти, большака, занимавшая до того пост большуха оставалась в своем месте, причем сохраняла значительный авторитет и пользовалась влиянием и над новым большаком. Не редко и в Китае, в случае смерти главы семьи, если нет подходящего заместителя — мужчины, главой остается «старшая» женщина.

Пост главы семейной общины, как мужчины, так и женщины, считается и является по общему правилу принципиально пожизненным. Однако, в случае дряхлости или иной неспособности, а в особенности в случае дурного хозяйствования или превышения власти, «старший» решением семейного совета сменяется.

В общем можно сказать, что как бы авторитетны ни были главы большой семьи, какой бы властью они ни обладали, эта власть на данном этапе истории патриархальной семейной общины не превышает того, что составляет, так сказать, норму первобытно-общинных отношений. Основы существования и весь строй семейной общины таковы, что эта се-

¹⁴ J. K. Leong and L. K. Tao, Village life in China, London, 1923; см. также: L. K. Tao, The family system in China, «Sociological Review», 6, 1913, 1.

мейная власть не может приобрести более выраженный характер. Власть в семье сохраняет, в соответствии со всем строем семейных отношений, первобытно-демократический характер.

Суммируя представленную нами характеристику патриархальной семейной общины, мы можем сказать: труд каждого по его способностям, удовлетворение потребностей каждого по возможности, общее согласие, единство, мир, порядок, дисциплина, первобытный демократизм внутренних отношений и управления, — таковы начала, принципиально и в действительности господствующие в семейной общине на данном, раннем этапе ее истории.

Отметим еще следующие особые черты внутренних отношений в большой семье охарактеризованного типа.

Дети семьи, как девочки, так и мальчики, в их малолетстве находятся в исключительном ведении своих матерей и других женщин семьи. С известным возрастом мальчики переходят в ведение и распоряжение главы семьи и участвуют в общем труде соответственно их возрасту, девушки таким же порядком поступают в распоряжение старшей женщины. У южных славян, в тех случаях, когда уже обозначается власть отца, она, если он не домачин, ограничивается только маленькими детьми, над взрослыми мальчиками власть имеет домачин. Другую особую черту внутренних отношений семейной общины на данном этапе составляет отсутствие власти мужа над женой, что объясняется и пержитком матриархальных порядков, в частности и начальной непрочностью моногамного брака. Даже в более позднем своем состоянии, в тех случаях, когда семейная община сохраняла свои основные начала, стойко сохранялась и эта черта супружеских отношений. В югославянской задруге, в белорусской большой семье, у ряда народов Кавказа и пр. отношения мужа к жене оставались лишенными элементов какой-либо власти, а жестокое обращение было явлением неслыханным или исключительным.

Общее основание этих двух особенностей быта семейной общины составляет отсутствие в ней индивидуальной семьи. Пока эта ячейка еще не дифференцировалась, не существует специфической власти мужа над своей женой и отца над своими детьми. Это отсутствие власти мужа-отца составляет один из элементов и одно из выражений первобытной сущности семейной общины и ее демократизма.

Если уровень развития производительных сил обуславливает на данном этапе необходимость существования большой семьи как общественно-производственной формы, то это же обстоятельство не допускает и чрезмерного ее расширения. Естественное размножение приводит поэтому к с е г м е н т а ц и и семейной общины, которая, однако, совершается таким порядком, что в силу тех же условий большая семья делится на части — сегменты, представляющие собой в свою очередь такие же семейные общины, первоначально, конечно, численно меньшие. Семейная община делится в одном из старших поколений так, что, например, из числа нескольких братьев этого поколения двое-трое со своими нисходящими выделяются в одну общину, остальные — в другую или другие. Это строго действующее на данном этапе начало прекрасно выражено старинной осетинской формулой: «дети без отцов не делятся». Таким образом, по силе этого начала, община может распасться на семьи, состоящие по меньшей мере из трех поколений, причем эта норма является уже нормой распадной. Надо еще раз вспомнить, что на данном этапе индивидуальной, малой семьи не существует, так что выдел такой семьи и не может иметь места.

Вновь возникшие в результате такой сегментации семейные общины с течением времени разрастаются и таким же образом сегментируются.

В более позднее время, под влиянием разных условий, размножение семьи идет медленнее, и ее размеры остаются скорей стабильными. Во всяком случае, семейная община обладает, очевидно, замечательной устойчивостью: в Далмации была известна задруга, которая не делилась на протяжении 300 лет, в Болгарии были известны задруги, не делившиеся 150—200 лет.

Изложенное представляет собой попытку реконструировать на весьма недостаточном и весьма условном материале патриархальную семейную общину в ее отдаленном историческом прошлом, на начальном этапе ее развития. Представленная выше характеристика не может поэтому не быть отвлеченной и условной.

III

Развитие и распад первобытно-общинного строя естественно сказывается и на семейной общине. Однако течение и самый характер этого процесса в недрах семейной общины обладают значительными особенностями. Наряду со своеобразием самого распада большой семьи, особенность данного процесса составляет то, что распад первобытно-общинных начал идет в большой семье неизмеримо медленнее, чем вне ее, в общественно-экономических отношениях данного общества в целом, и большая семья оказывается ячейкой, в которой первобытно-общинные отношения сохраняются особо устойчиво. Причины этого явления, этой, как может казаться и как это многократно квалифицировалось, «консервативности» семейной общины, заключаются в следующем: состоящие производительных сил данного общества на данном этапе таково, что существование большой семьи как общественно-производственной формы остается еще исторической необходимостью, ее существование еще попрежнему остается экономически обусловленным.

Однако и наряду с тем распад первобытно-общинных отношений, происходящий вне семьи, в среде данного общества в целом, оказывает неизбежное влияние на эту семью, неумолимо вторгаясь в ее внутреннюю жизнь: семейная община вовлекается в общий поток социально-экономического развития. В силу своей сущности и своего предназначения семейная община сопротивляется тому процессу распада, который идет как вне, так и внутри ее, причем в разных обществах, в различных исторических условиях это сопротивление оказывается в большей или меньшей мере стойким и длительным. Так семейная община оказывается консервативной общественной формой, которая иногда надолго, иногда в условиях даже развитого классового строя, сохраняет и воплощает в себе пережиточные первобытно-общинные начала.

Сербский этнограф М. С. Филипович описал под названием «раздвоицы» или «предвбенной (разделенной) задруги» довольно широко, по словам автора, распространенную и поныне в Югославии весьма интересную форму, которая ярко иллюстрирует стойкость самосохранения семейной общины в условиях высоко развитого экономического окружения. Форма «раздвоицы» состоит в том, что отдельные члены задруги живут и хозяйствуют раздельно, в разных местах, каковое обстоятельство вызвано иногда малоземельем и покупкой задругой участка земли в другой местности, иногда условиями, вытекающими из соединения скотоводческого и земледельческого хозяйства, и пр. Не имея, таким образом, территориального единства, «раздвоица» тем не менее сохраняет полное экономическое единство: все имущество, сельскохозяйственный инвентарь и пр. остаются общими, все продукты труда распределяются на коллективных основаниях, задруга возглавляется одним домачином,

который периодически посещает отдельные части задруги, распределяет работу, проверяет ее исполнение, и т. д.¹⁵

С какой бы стойкостью и в каких бы формах семейная община не сохранялась, община эта все же распадается. Проникновение в нее классовых начал, их коллизия с началами первобытно-общинными, конечная победа начал первых и конечный распад семейной общины — таково содержание ее дальнейшей истории. Усилия семейной общины остаться в стороне и изолироваться от совершающегося вне ее нарастания новых начал, ее стремление к самосохранению, во-первых, и внутренняя, в недрах самой общины протекающая борьба между началом коллективным и началом частнособственническим, во-вторых, — таковы две линии, по которым развивается история семейной общины на ее новом этапе.

Спротивление семейной общины развивающимся вокруг нее новым экономическим отношениям, в частности товарному обороту, выражается в стремлении к натурально-хозяйственной замкнутости и изолированности. Семья старается ничего не покупать и ничего не продавать. Но как бы она ни изолировалась, общий ход экономического развития все-таки вовлекает ее в свой оборот, и, когда эта изоляция семьи все же нарушается, недопустимой остается продажа основного имущества семьи: земли, недвижимости вообще, скота, основных орудий производства. У сербов, например, продажа задругой земли считалась совершенно недопустимой: на самую возможность такого факта в сербской задруге в старину смотрели с ужасом. В Болгарии продажа задругой не только ее основного имущества, но и хозяйственных орудий считалась «грехом и срамотой». И до недавнего сравнительно времени в некоторых местностях Югославии крайне неохотно продавался скот. Во всяком случае, имущество задруги в югославянских странах продавалось в прошлом только при самой крайней нужде. Точно так же в Архангельской губернии в старину семейная собственность редко отчуждалась без крайней нужды.

С другой стороны, и семья, вовлекаемая развитием товарного производства, начинает производить на рынок и продавать продукты своего труда. Развивающийся оборот вовлекает и отдельных членов семейной общины, давая возможность сторонних заработков и приобретений, а также личного найма. Однако, в силу строго действующего закона большой семьи, все такие приобретения и заработки поступают в общую собственность, общую кассу семьи. С особой традиционной силой соблюдался этот закон в китайских больших семьях. И в югославянских странах местами сохранялись задруги, в которых тот же закон действовал со всей строгостью даже в позднейшее время. И. Е. Гешов описал одну болгарскую задругу, состоявшую из 7 братьев с их женами и детьми, всего из 35 человек. Из этих семи братьев один возглавлял задругу, остальные были: один — священником, другой — землепашцем, третий — пастухом, четвертый — мельником, пятый — корчмарем и шестой — портным. Все имущество всех этих братьев, за исключением одежды, было общее, все работали на задругу. Даже и священник все свои доходы от совершения треб, крещения, венчания и похорон, должен был вносить в общую кассу. Домакия этой задруги готовила на всю семью, и все 35 человек кормились из одного котла¹⁶.

¹⁵ М. С. Филипович, Несродничка и предвојена задруга, Београд, 1945.

¹⁶ И. Е. Гешовъ, Задругата въ Западна България, «Периодическо списание на Българско книжовно дружество в Сръдецъ», 21/22, 1887; перепечатано в книге: И. Е. Гешовъ, Думи и дела, София, 1899; реферат этой статьи: П. Драганов, Задруги в Западной Болгарии, «Известия СПб. Славянского благотворительного общества», 1888, 8.

Значительное явление данного этапа составляет общее расширение и усиление функций и власти главы семьи как руководителя и распорядителя семейным хозяйством, причем с его стороны обнаруживается тенденция стать полным распределителем как хозяйства, так и имущества семьи. Функции и права главы семьи остаются попрежнему все-таки ограниченными, а указанная тенденция встречает прямое сопротивление со стороны семьи. Все же, это развитие власти главы семьи достигает иногда довольно значительного выражения. Существенным образом изменяется положение главы семьи в особенности в связи с развитием товарного оборота: именно ему принадлежит функции покупки и продажи. Однако действует он при этом ни в коем случае не произвольно, а лишь как представитель семьи и принципиально только с ее согласия. В старой болгарской задруге домачин мог без предварительного совещания с семьей производить покупки для удовлетворения только каких-либо мелких потребностей всей задруги, но без ведома и согласия семьи не мог ничего продать. И впоследствии в семейных общинах держится правило, по которому глава ее может без предварительного согласия покупать, но не продавать. Согласие семьи сохраняется и в дальнейшем в качестве необходимого условия в особенности для продажи и уж совершенно обязательным образом для продажи основного имущества. Наряду с тем, в отношении имущества благоприобретенного глава семьи получает все расширяющиеся права распоряжения. Расширяются функции и власть главы семьи и в области распоряжения трудом ее членов: ему преимущественно принадлежит решение вопроса об уходе членов семьи на заработки или их личном найме. Впоследствии, когда, с углублением распада первобытно-общинного уклада, в случаях обеднения отдельных семей, отходничество оказывается иногда необходимым для семьи, глава семьи прямо посылает того или другого члена семьи на заработки.

В результате, в составе семейного имущества появляется имущество благоприобретенное, которое резко отграничивается от собственного имущества. Все имущество семьи распадается на две категории: 1) имущество, перешедшее от предков: дедина или дедовина, баштина, стока — у южных славян, отчина — у русских, куда входит раньше всего земля, затем прочее, перешедшее от предков имущество; сюда присоединяется имущество, созданное своим семейным трудом; 2) имущество благоприобретенное всей семьей или отдельными членами: покупщина, добыток. Первое остается неотчуждаемым, второе — может быть продано. С течением времени это строго соблюдаемое начало нарушается и в категорию отчуждаемого имущества входят некоторые продукты труда семьи. Наконец, впоследствии может быть продано и всякое имущество первой категории, однако только в самом крайнем случае.

Наиболее знаменательное явление, характеризующее историю семейной общины на данном этапе, составляет образование отдельной собственности взрослых мужчин — членов семьи, а наряду с тем — вызревание в ее недрах индивидуальной, малой семьи. То и другое в основе своей является отражением общего процесса социально-экономического развития, зарождения частной собственности в особенности.

Наряду с охарактеризованным сейчас расширением и усилением функций главы семьи в качестве распорядителя всего семейного имущества и труда ее членов, в семейной общине возникает и развивается тенденция взрослых женатых мужчин создать свое обособленное хозяйство и имущество. Расширение власти главы семьи не обходится, конечно, без протеста со стороны ее членов, и указанная тенденция взрослых мужчин является известной формой реакции, вместе с тем — формой борьбы и утверждения своей независимости. Источником обра-

зования этого отдельного имущества являются возможные на данном этапе личные заработки и приобретения. В нарушение общего, все же в основном действующего порядка, по которому все заработки обращаются в общую собственность-казну, часть их удерживается. Это первоначально лишь незначительные суммы — результат случайных заработков, предметы личного потребления, одежда, обувь и пр. С течением времени круг и объем такой личной собственности увеличивается. Так возникает отдельная собственность взрослых мужчин семейной общины — особина, свойщина или своина, летина (уральский термин), osebuek или osebunjak (хорватск.).

Значительные сдвиги происходят и в положении женской главы семьи. Ею становятся не, как прежде, по праву — старшая по возрасту или наиболее достойная, причем отмирает и выборность, а преимущественно жена мужского главы. Правда, женская половина семьи с этим активно борется: в некоторых местностях Сербии стойко сохранялась выборность, причем выбиралась нарочито именно не жена домачина. Со смертью мужского главы семьи и переходом этого поста к сыну, пост женской главы переходит к жене нового главы — сына. С другой стороны, власть женской главы семьи на данном этапе в известной мере уменьшается и ограничивается за счет расширения власти мужского главы.

В процессе образования в недрах большой семьи отдельной собственности, некоторая роль принадлежит и женщинам семьи, в особенности замужним. На эту роль и роль здесь отдельного имущества женщины, в частности ее приданого, неоднократно и настойчиво указывалось, однако, во-первых, эта отдельная собственность ошибочно отождествлялась с частной собственностью, во-вторых, значение этого обстоятельства изображалось неправильно и преувеличивалось в такой мере, что именно женщинам приписывались и инициатива, и фактически самое создание в большой семье частной собственности. Близкий к этому взгляд находим мы, например, у акад. Н. С. Державина, который, указав на недавнее появление в болгарской задруге «частной собственности», пишет, что она «образуется чаще всего из свадебных подарков, которые вместе с собой приносит в новую семью невестка»¹⁷.

Женщина, в особенности замужняя, действительно, с течением времени создает свою личную, отдельную собственность, которая составляется из ее приданого, подарков мужа, имущества, полученного ею по наследству, и некоторых личных заработков. Однако все эти источники создаются лишь с глубоким распадом как первобытно-общинного строя вообще, так и коллективного начала в семье. Так, в частности, приданое, имея свою сложную историю, возникает в истории брака (в подлинном своем виде) весьма поздно. Приданое, как некоторый выдел из имущества семьи, противоречит основному началу семейной общины — коллективности и неделимости ее имущества. В Болгарии, например, в прошлом выходящая замуж девушка не получала ровно ничего из задружного имущества. С другой стороны, приданое, когда оно возникает, состоит преимущественно из предметов личного пользования. Подарки мужа, возможные лишь тогда, когда он обладает сам возможностью их делать, имеют весьма малое значение, наследование замужней в имуществе своей родной семьи — явление, предполагающее не только глубокий распад семейной общины, но и существование уже частной собственности, наконец, личные заработки, каковы бы они ни были, всегда остаются незначительными. В итоге, образование отдельного имущества женщины в большой семье — явление позднее, это

¹⁷ Н. С. Державин, Славяне в древности, М., 1945, стр. 63.

имущество состоит главным образом из предметов личного потребления, его экономическое значение весьма невелико и, наконец, не существует условий для того, чтобы это имущество существенно умножалось и увеличивало свое влияние. Таким образом, женщина не является инициатором и создательницей собственности, единственной собственницей и пр. в большой семье, о чем так много говорилось, и ее имущество представляет собой в свою очередь только личную, но не частную собственность. Надо сказать, что встречаются местами факты, когда начало коллективной собственности держится в семейной общине еще незыблемо в отношении мужчин, так что все их заработки поступают в общую казну, между тем женщины, действительно, имеют свое отдельное имущество и личные доходы — от своего скота, огорода, рукоделья, имеют такие доходы даже девушки. Это, однако, — опять-таки явление нового времени и все же не имеющее существенного экономического значения в общей экономике семьи.

Наряду с возникновением отдельной собственности, идет вызревание и дифференциация в составе большой семьи новой, неизвестной первобытному строю общественной формы — малой семьи. В основе этого — общий процесс экономического развития, в том числе возникновение частнособственнического начала, которое малая семья призвана воплотить со своим окончательным оформлением. Прямым подкреплением в процессе образования малой семьи служит образующееся отдельное имущество — *о с о б и н а*. Известную роль в создании малой семьи играют замужние женщины. Перейдя в семейную общину мужа, замужняя женщина в сущности всегда, даже с полным укреплением моногамии, остается здесь все-таки чужой, никогда не порывает связи со своей родной семьей и своим родом, никогда не сливается полностью с новой, чужой ей семьей и, вместе со своими малолетними детьми, остается в той или иной мере изолированной. Обособление малой семьи идет первоначально только по линии потребления, тогда как в отношении производства малая семья целиком растворяется в общем, остающемся неизменно коллективным, труде большой семьи. Однако и потребление индивидуализируется первоначально далеко не полностью; приготовление основной пищи и основная трапеза остаются коллективными: обедают, например, вся община вместе, а завтракают или ужинают малые семьи отдельно. Процесс индивидуализации малой семьи все же продолжается и принимает достаточно выраженные формы. Например, в югославянской задруге женатый мужчина получал иногда в отдельное пользование на год небольшой участок земли, продукты которой составляли его отдельную собственность. Малая семья имеет иногда свой отдельный скот, самостоятельно продает продукты своего домашнего производства и пр. Дифференциация малой семьи сопровождается вызреванием власти мужа-отца. Его власть остается еще подчиненной власти главы всей общины, однако и в известных отношениях ослабляет и ограничивает эту последнюю: глава общины считается с властью отцу-мужа и в ряде случаев действует уже не непосредственно, а через него, например, поручает ему наказать свою жену или своих детей. Глава общины пользуется, например, у белоруссов, дисциплинарной властью только над собственными детьми в качестве их отца, но не над детьми других членов общины.

Дифференциация малой семьи сопровождается ее локальным выделением в общесемейном жилище. Малая семья получает либо отдельное помещение в общем доме, что составляет более архаическую форму, либо более изолированное помещение в виде пристройки к основному жилищу, либо, наконец, отдельное строение на общей усадьбе. У южных славян бытовали все эти три формы, преимущественно же

две последние: общим основным помещением задруги служил дом, в котором жил домашин со своей индивидуальной семьей, и к этому дому по числу женатых мужчин делались маленькие пристройки, причем лишь основной дом имел очаг, пристройки же своего огня не имели, либо же малые семьи получали отдельные домики на общей усадьбе. В Болгарии небольшая задруга помещалась в одном доме — длинной кеште, более численные задруги размещались так, что в одной большой кеште жили домакин со своей индивидуальной семьей и холостые члены задруги, женатые же имели несколько меньших кештиц, расположенных вокруг основной кешты в одном общем дворе. В старину многочисленные болгарские задруги имели по несколько десятков кештиц на одном дворе. При этом вся задруга ела в большой кеште за общим столом, здесь же происходили все собрания или совещания задруги, здесь же устраивались общие развлечения и пр. У сербов, хорватов и словинцев основное жилище задруги именовалось куча или кайжа, изба, хижа или ижа, а отдельные в общем доме помещения малых семей: соба, клеть, комора; характерным образом тем же наименованием клеть или комора обозначался и отдельный домик индивидуальной семьи. В старину у великоруссов к основному жилищу — клетке или избе делались пристройки в виде новых клеток, причем только основное жилище имело обслуживавшую всю семью печь (откуда: истоба, истопка, истьба, изба), новые же клетки не имели печей и оставались холодными. В Архангельской губернии уже в позднее время в зажиточных семьях каждая малая семья получала отдельную комнату, что именовалось отделом (в отличие от раздела, как полного выдела и выхода малой семьи из общины). У белорусов Минской губернии, сообщал М. В. Довнар-Запольский, «отец строит сыновьям у себя на дворе отдельные хаты, в которых помещается каждая новая семья, но земля, скот, орудия — все находится в общем владении, едят вместе, вместе и работают. Каждая семья имеет лишь в отдельном владении платье и другие мелкие вещи, деньги, лично ею заработанные, и проч.»¹⁸.

Затронутая нами тема о связи развития большесемейного жилища с дифференциацией малой семьи заслуживала бы более основательного исследования, могла быть, однако, здесь освещена лишь бегло. Тема эта, впрочем, должна бы составить предмет внимания специалистов — исследователей жилища, между тем обычно игнорируется.

Обособление малой семьи встречает, естественно, противодействие и сопротивление со стороны всей общины, как воплощающей и хранящей коллективное начало, и со стороны ее главы, противящегося тому умалению его функций, прав и власти, которое причиняется образованием отдельного имущества и власти старших мужчин. Борьба идет, в частности, в связи с требованием все сторонние доходы, весь личный заработок сдавать в общую кассу.

Результатом всей создавшейся в большой семье конфликтной ситуации является учащение ее сегментации. При этом все же сохраняется начало, по которому семья делится на такие же в принципе большие семьи, действует то же правило: «дети без отцов не делятся». В Болгарии случаи раздела задруги при жизни отца были крайне редки, наибольшая же часть разделов происходила при жизни деда, иначе говоря, выделялись все же отцы со своими сыновьями, т. е. не малая, а все же большая семья. Однако сегменты, на которые теперь распадается семейная община, естественно, менее численны: семья не успе-

¹⁸ М. В. Довнар-Запольский, Очерки семейного обычного права крестьян Минской губ., «Этнографическое обозрение», 1897, 1—2; перепечатано в книге: М. В. Довнар-Запольский, Исследования и статьи, т. I, Киев, 1909, стр. 3.

вает размножиться, как наступает ее сегментация. При таких условиях семейная община оказывается значительно меньшей. Трудно, конечно, вывести из существующих показаний определенную среднюю цифру, но повторяющиеся довольно постоянным образом указания числа членов в 70—60—50—40 человек являются, видимо, характерными для семейной общины на данном этапе. При этом, наряду с такими показаниями, нередко тут же указывается, что в прежние времена семьи были более многочисленными, состоя из 100 и более человек, т. е. того числа, которое, видимо, характерно для семьи в ее более ранней фазе, когда сегментация происходила реже.

На данной стадии своей истории семейная община охарактеризованного нами типа может испытать двоякую судьбу: либо она консервативно сохраняется в условиях классового окружения в описанном сейчас состоянии; только в таком виде, заметим, она и сделалась предметом наблюдения (между прочим, по отношению к такой семейной общине, в таком ее распадающемся состоянии могут действительно, все же условно, подходить выражения «соединенная», «сложная» семья или «совокупность» малых семей); либо же начало частной собственности одерживает верх и семейная община прекращает свое существование, распавшись на малые семьи. В последнем случае дело опять-таки не обходится без сильнейшего противодействия и сопротивления как со стороны семейной общины в целом, так и со стороны ее главы. Поэтому,— например, у южных славян,— полный распад и раздел задруги на малые семьи случался преимущественно тогда, когда задруга уже была ослаблена, являясь продуктом усиленной сегментации, существовала в виде семьи, состоящей из отца с сыновьями и их индивидуальными семьями, и распалась все же только со смертью отца.

Бесконечное число раз причиной как стремления членов семейной общины к образованию отдельного имущества и отдельной семьи, так и разделов объявлялся «индивидуализм». Такое психологическое объяснение достаточно поверхностно. В данном случае «индивидуализм» представляет собой не какое-то отвлеченное психологическое явление, а является в основе своей не чем иным, как прямым выражением того же начала частной собственности.

Не менее распространенное мнение приписывает вину в распаде и разделах семейной общины и здесь женщинам с их «частной собственностью», ссорам женщин, их «сварливости» и пр. Это, конечно, опять-таки наивные и поверхностные оценки. Как мы видели, о «частной собственности» женщины в семейной общине не приходится говорить, а что касается ссор, то, теоретически говоря, они могли иметь место всегда, однакож разделы наступают только на определенном этапе и на определенной стадии развития семейной общины, при определенных условиях. Женщины семьи являются здесь лишь выразительницами общей создавшейся ситуации и ссоры их, если и бывают,— отражением того конфликтного состояния, которое создается в общине. Можно отметить, что одной из сил, сдерживающих распад большой семьи и ее сохраняющих, бывает нередко как раз женщина — «старшая», которая после смерти главы семьи удерживает семью от раздела, становясь ее единоличной главой.

К сожалению, бытовые условия, при которых происходит окончательный раздел семейной общины на малые семьи, как и условия, при которых происходит сегментация, очерчиваются нашими источниками весьма недостаточно. Общее впечатление, которое существующие указания производят, говорит за то, что, с одной стороны, условия эти в том и другом случае, видимо, одинаковы, с другой стороны, разделы эти носят преимущественно вполне мирный характер. В спорных слу-

чаях семья обращается к третьейскому посредничеству кого-либо из родственников или соседей либо к представителю общественной власти или, наконец, к духовному лицу.

Материальная сторона раздела семейной общины выходит из границ нашей темы, но одна черта этой стороны дела имеет для нас существенный интерес. Это — принцип поколенного раздела имущества, великорусское, — «по отцам», лат. — *per stirpes*. Сущность этого порядка состоит в том, что общесемейное имущество делится не из расчета наличного числа людей в семье или хотя бы числа работников, а по числу людей старшего поколения. Например, если семья состоит из трех живущих отцов, причем, скажем, у одного отца имеется пятеро сыновей, у другого — четверо, у третьего — один сын, притом эти сыновья в свою очередь уже имеют взрослых сыновей, то все имущество делится на три доли, каждую из которых получает каждый из отцов старшего поколения вместе со всеми своими нисходящими. Если этих трех отцов уже нет в живых, то имущество делится все же на три доли указанным образом. Этот принцип поколенного раздела переходит затем и в область наследственного права.

Указанный порядок принадлежит к числу широко распространенных, известных многим народам, он многократно описывался и упоминался, однако должного объяснения, насколько мы знаем, не получил. Между тем, он представляет собой не что иное, как прямое выражение описанного выше принципа поколенной сегментации семейной общины по формуле: «дети без отцов не делятся», и еще раз подтверждает существование архаического порядка, по которому семейная община если делилась, то на такие же в принципе большие, состоящие не менее, чем из трех поколений, семьи. В истории семейной общины прослеживается последующая смена порядка поколенного раздела на раздел сначала по числу женатых мужчин, затем по числу мужчин вообще и, наконец, — подушно.

Начало семейной собственности отчетливо отразилось на истории наследования и в ряде институтов наследственного права: институте вотчины, институте так называемого «необходимого наследования» и пр.

Как сегментация семейной общины охарактеризованного типа, так и ее раздел на малые семьи, сопровождаются явлением, имеющим крупное историко-общественное значение. При сегментации общины ее отдельные сегменты — большие семьи сохраняют в различных отношениях хозяйственную, общественную и идеологическую связь, образуя особую родственную группу первобытно-общинного строя, которую мы назвали патронимией. Точно так же и при разделе большой семьи на малые действующая еще на данном этапе экономическая обусловленность коллективного начала получает выражение в том, что раздел остается все же неполным, разделившиеся малые семьи в свою очередь сохраняют в некоторых отношениях и формах общность и связь, общее владение и пользование некоторыми видами имущества, угодий, элементы производственного коллективизма, в особенности в случаях, требующих кооперации больших сил, наконец, и разные формы общественно-идеологической связи. Так, при разделе сербской задруги делится иногда только скот, утварь и пр., но земля, в том числе пашня, остается нераздельной и обрабатывается сообща. Выделившиеся семьи поселяются отдельно, но обычно, если только это возможно, — смежно. У сербов и хорватов при полном разделе задруги отчий дом остается центром единства разделившихся семей. В этом доме семьи собираются для общих совещаний, по случаю праздников и т. д. Отчий дом сохраняет название кучи, тогда как отдельные дома выделившихся малых семей продолжают по старой

памяти называться клетями, как в нераздельной задруге назывались помещения индивидуальных семей в общем доме. Наконец, глава старшей семьи остается в известных отношениях главой всех разделившихся семей, имея в этом качестве различные функции и права.

Каковы бы ни были те, как видим, глубокие сдвиги и изменения, которые происходят в семейной общине, семья, историю которой мы прослеживали, все же сохраняет, пока существует, свои первобытно-общинные основы: прочно сохраняются в основе начала коллективной собственности и коллективного производства, в основном все же и коллективного потребления, равно как и демократизма ее внутренних отношений и управления. Все это дает нам основание данный тип семейной общины назвать демократическим.

IV

История семейной общины знает иной, особый путь ее развития, приведший к особому типу большой семьи. В известном смысле можно сказать, что развитие семейной общины идет здесь дальше. Это — сугубо патриархальное и вместе с тем обусловленное развитием классовых отношений перерождение первобытной семейной общины, которая в таких условиях и сама приобретает классовые черты.

Сущность этого типа семейной общины определяется развитием в ней начала частной собственности. Начало это развивается по двум линиям: с одной стороны, уже сказавшаяся ранее тенденция главы семьи стать полным распорядителем всего семейного имущества перерастает в тенденцию обратить это имущество в свою частную собственность; с другой стороны, взрослые члены семьи — мужчины — в свою очередь обнаруживают тенденцию не только, вместе с образованием своей индивидуальной семьи, создать и расширить свое отдельное имущество, но создать из него свою частную собственность. Обе эти тенденции, естественно противореча основному началу коллективизма семейной общины, столь же естественно сами антиномичны. Состязание и борьба всех этих начал, победа в конечном счете начала частной собственности, окончательное вызревание малой семьи и полный распад семейной общины — таково содержание дальнейшей истории большой семьи данного типа.

В процессе развития семьи этого типа глава ее действительно становится почти полным распорядителем хозяйства и всего общесемейного имущества, распространяя свое право не только на «покупщину», но и на «отчину». Это право все же в той или иной мере ограничивается сопротивлением со стороны семьи и необходимостью считаться с ее мнением: отчудить в особенности что-либо из «отчины» либо вообще из основного имущества глава семьи может только с ее согласия. Значительно увеличивается и его право распоряжаться трудом членов семьи, как дома, так и вне его: он по своему усмотрению посылает членов семьи на заработки, отдает в личный наем, заработанное отбирает под личиной общинного начала — в общую собственность, на деле — в свое личное распоряжение. Тогда как раньше труд распределялся по способностям, в семье данного типа не малую роль играет личное усмотрение, пристрастие и пр. главы семьи. В то время как в семье демократического типа глава ее — такой же работник, как и другие, сейчас он преимущественно распорядитель хозяйства и труда. На данном этапе и в данных условиях семейная община все больше вовлекается в общехозяйственный оборот и внешние сношения — торговые, общественные, административные; это усиливает, усложняет и расширяет функции представительства, которые целиком и единолично принадлежат главе семьи. Все это вместе взятое приводит

к новому и весьма значительному развитию его власти как в области чисто хозяйственной, так и в области личных отношений в семье.

Описанное нарастание власти главы семьи не обходится, конечно, и в данном случае без противодействия со стороны семьи в целом и отдельных малых семей, а создающееся конфликтное положение приводит к еще более учащенной сегментации и тем — новому уменьшению численности семьи.

Имеющиеся данные позволяют и здесь выделить, как относящиеся именно к данному типу семьи, довольно константно повторяющиеся цифры состава семьи: от 40 до 15 человек, в среднем: 30—25 человек против, если вспомним, среднего 60—50 предшествующей фазы. Таким образом, если мы возьмем данные о численности семейной общины на всем протяжении ее истории, — насколько все это нам известно, — то получаем непрерывное уменьшение от 300 до 15 человек. Численность семьи зависит, конечно, от разных условий, но в обнаруженном нами явлении ее неуклонного уменьшения нельзя не видеть определенной закономерности. Уменьшение это составляет прежде всего прямое отражение общеэкономического развития: семейная община, как сравнительно крупная родственная и хозяйственная единица, оказывается уже не обусловленной экономической необходимостью и изживает себя, причем развитие производительных сил дает место и позволяет существовать группе меньшей численности; с другой стороны, эти внешние по отношению к семье общеэкономические условия оказывают, конечно, самое действенное влияние и на внутренние отношения в семье, содействуя ее сегментации.

Более существенное, чем сокращение численности, явление данного этапа составляет изменение состава и самого характера семьи. Создается, действительно, новый тип большой семьи, состоящей обычно и преимущественно из пяти, четырех или трех поколений, но прямых нисходящих, т. е. прадеда, деда или отца с их сыновьями, женами и детьми. Главой этой семьи является, естественно, прадед, дед или отец: выборности не существует. К тому основанию власти главы семьи, которое исходит из его роли как главы хозяйства, присоединяется его власть как отца, и тем еще более усиливается. Еще один элемент падения демократизма и усиления власти главы семьи составляет возникновение наследственности этого поста — переход его от отца к сыну. На этом этапе истории семьи характерным образом уменьшается власть мужа-отца малой семьи, которая сейчас вновь подавляется возросшей властью главы всей семьи.

Так, былой демократизм семейной общины сводится в данном ее типе почти совершенно на-нет, создается новый, особый тип большой семьи, резко отличающийся от вышеописанного. По тому признаку, что во главе этой семьи стоит чаще всего отец со своими прямыми нисходящими, данный тип можно назвать отцовской большой семьей.

Классическим образцом отцовской семьи является древнеримская *familia* с ее всевластным *pater familias* и принадлежавшим ему *ius vitae ac necis* (правом жизни и смерти) над всеми членами семьи. Но замечательным образом исследование древнеримского семейного права, равно как некоторых общих институтов древнеримского гражданского права, обнаруживает процесс классового превращения существовавшего, очевидно, в древнем Риме демократического типа семьи¹⁹. Того же типа семья была свойственна, повидимому, в определенную эпоху

¹⁹ См. С. W. Westrup, *Introduction to early roman law, Comparative sociological studies, The patriarchal joint family*, 3 vls, Copenhagen—London, 1934—1944; см. также: Ф. Шенвиц, *Власть римского домовладыки*, Варшава—Москва, 1914.

древнему Ирану²⁰, равно как и многим другим раннеклассовым обществам.

Широкую известность в качестве еще одного образца отцовской семейной общины приобрела великорусская большая семья. К сожалению, в нашей литературе не сохранилось, насколько мы можем судить, определенных данных о существовавших очевидно в прошлом и в Великороссии семейных общинах архаического демократического типа. Трудно вместе с тем, за тем же отсутствием данных, что-либо сказать о том, в какую эпоху здесь начался и какими темпами шел распад этой архаической семейной общины. Неосвещенность этих вопросов мы склонны объяснить невниманием к ним, да и вообще к вопросу о семейной общине, наших историков. Так же обстоят затронутые нами вопросы и по отношению к Украине. Мы нашли лишь у И. В. Лучицкого авторитетное указание на то, что еще в середине XVIII в. в Полтавщине и Черниговщине были не редкостью дворы, на которых насчитывалось по 3, 4, 5, 6, 7 и более семей, состоявших не только из родных братьев, но и двоюродных, племянников и пр. Большинство таких живших совместно семей не представляли собой обособленных единиц, лишь живущих на одном дворе. Если существовали и такие, то это было новым явлением. В большинстве же случаев, напротив, эти семьи составляли одно неразрывное целое, сообща, нераздельно владели всем им в совокупности принадлежавшей землей, вели сообща хозяйство, имели нередко и общий скот²¹.

В результате указанного обстоятельства существующей литературой, что касается Великороссии, был зафиксирован преимущественно лишь тип отцовской большой семьи с ее всевластным большаком, сохранявшейся в некоторых местностях России еще в XIX в. К сожалению, и об этого типа семье в литературе в той или иной связи скорей лишь упоминалось, достаточного же ее описания почти не существует. Упомянув об одной большой семье Тульской губернии, состоявшей из деда, сыновей, внуков и правнуков, всего около 40 человек, А. Т. Болотов писал в начале XIX в., что глава этого семейства «держал оно в должном подобострастии»; на вопрос Болотова, не бывает ли у них при таком многолюдстве несогласий и раздоров, дед «показал свой нарочито толстый посошок и сказал только: «а это что?»²². Единственное в своем роде, замечательное описание быта больших семей того же типа, сохранявшихся среди уральских староверов, дал С. М. Пономарев²³. Такого же типа большие семьи сохранялись и в русской мещанской и купеческой среде. Г. Н. Потанин вспоминал о купеческой семье в Ярославской губернии, состоявшей из 30 человек взрослых и 30 малолетних; возглавлял ее 120-летний дед; вся семья помещалась в одном доме; сыновья занимались торговлей под строгим контролем главы семьи; сын не смел купить своей жене даже пряника, он докладывал

²⁰ См. А. А. Mazahéri, *La famille iranienne aux temps antéislamiques*, Paris, 1938.

²¹ И. Лучицкий, *Сябры и сябриное землевладение в Малороссии*, «Северный вестник», 1889, 1—2; отдельно: СПб., 1889; то же на французском языке: *Etudes sur la propriété communale dans la Petite Russie*, «Revue internationale de sociologie», 3, 1895; то же по-немецки: *Zur Geschichte der Grundeigentumsformen in Kleinrussland*, «Schmoller's Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft», 20, 1896.

²² А. Болотов, *Жизнь и приключения*, т. IV, СПб., 1878, стр. 963—964.

²³ С. Пономарев, *Семейная община на Урале*, «Северный вестник», 1887, 1.— Нам приходилось уже отметить эту замечательную статью. Автор ее — этнограф-самородок безвременно скончался в 1889 г. в Оренбурге, не дожив до 24 лет. См. его некролог в «Оренбургском листке», 1889, № 5; то же (перепечатка) в «Волжском вестнике», 1889, № 32.

о своем желании отцу, который покупал разом для всех снох ситцу или платков непременно одинаковой цены²⁴.

Такой же характер носила, судя по существующим отзывам, старинная армянская большая семья: глава ее, танутер, считался единственным собственником всего семейного имущества, имущество отдельных членов семьи и их заработки поступали в полное его распоряжение, его личная власть включала право телесного наказания членов семьи или временного их изгнания из дома²⁵. Точно так же, тогда как у ряда народов Кавказа мы встречаемся преимущественно с демократической семейной общиной, ее перерождение в сторону отцовского типа можно обнаружить, повидимому, например, у осетин²⁶. Того же типа семья была свойственна казанским татарам. «Во главе семейства,— писал один из ее наблюдателей,— стоит всегда отец, имеющий в нем неограниченную власть; ему принадлежит право заведывания и распоряжения имуществом, которым он управляет по своему произволу; он же получает и все заработки от членов семьи, наблюдает за образом их жизни и нравственностью и имеет право суда и расправы над провинившимися»²⁷.

Характернейшее явление данной фазы истории семейной общины составляет перерождение, наряду с мужским главой семьи, и ее женской главы. Выборности ее здесь совершенно нет места: это обычно жена большака. Усиление власти последнего ограничивает ее хозяйственную роль и авторитет, причем она и в качестве патриархальной жены своего мужа оказывается его иногда совершенно безгласной рабой. Но, проникаясь новым духом семьи, она сама становится деспотической и всевластной большухой по отношению к женской части семьи, по отношению в особенности к своим снохам, являя образ жестокой и свирепой свекрови. Когда она, как это нередко бывает и на данном этапе, остается после смерти большака единоличной главой семьи, она выступает в свою очередь в качестве всевластной главы семьи, полной распорядительницы ее имущества и хозяйственной деятельности, труда и личной жизни ее членов, как женщин, так и мужчин. Мрачный образ такой деспотической большухи нарисовал в выше-названной статье С. М. Пономарев. Характерные черты положения такой большухи отмечает одно описание быта русского сельского населения Тетюшского уезда Казанской губернии: после смерти мужа жена его остается до своей смерти полной хозяйкой большой семьи: в ее руках находится все имущество, все деньги, заработанные сыновьями, дочерьми и снохами, она обладает всей полнотой власти в области хозяйственной; она вольна в браке своих дочерей и сыновей, руководясь здесь исключительно хозяйственными соображениями²⁸.

Под властью и гнетом этих деспотических глав семейной общины трудовое и личное положение членов семьи оказывается чрезвычайно тяжелым. Особо и порой исключительно тяжело положение в такой семье замужних женщин-снох. Находясь в распоряжении своей свекрови, они одновременно в значительной мере подчинены и большаку,

²⁴ Гр. Потанин, Никольский уезд и его жители, «Древняя и новая Россия», 1876. 10.

²⁵ С. А. Егиазаров, Административно-экономический строй сельской общины в Эриванской губернии, в книге: «Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. I, Тифлис, 1887; Х. Самуэли, Очерки по обычному семейному праву армян, «Кавказский вестник», 1902, 1—3.

²⁶ См. наши «Очерки по этнографии Кавказа», «Советская этнография», 1946, 2.

²⁷ Н. Н-ч, Народные юридические обычаи у татар Казанской губернии, «Труды Казанского Губернского Статистического комитета», изд. под ред. Н. Н. Вечеслава, вып. III, 1869, стр. 26.

²⁸ «Очерки народного юридического быта» (анонимно). «Казанские губернские ведомости», 1889, № 9.

и это тем более, что ему подчинены их мужья: и муж по приказу большака или большухи тиранит свою жену. Специфическое явление больше-семейного быта развитого патриархального и классового строя составляет многократно отмечавшееся снохачество, которое было повидимому весьма распространенным явлением в великорусской семье, точно так же, как, судя по имеющимся указаниям, и в армянской большой семье²⁹. «Снохачество — это бабья повинность в патриархальной семье», — формулировал Пономарев³⁰. Хотя иногда, — надо сказать, исключительно редко³¹, о снохачестве упоминается и по отношению к югославянским странам, однако здесь это явление крайнего распада задружно-семейного быта и во всяком случае — явление, ничего подобного собой не представляющее тому почти открытому снохачеству, которое существовало в отцовской большой семье.

Между прочим, по довольно распространенному мнению, снохачество объявлялось одним из пережитков группового брака. Это — ошибка. Пережитком, вообще говоря, может стать такое явление, которое в прошлом не только существовало, но и было закономерным порядком. Между тем, архаически, при матрилинейной филиации и дуальной экзогамии, отец и жена его сына, свекор и сноха, принадлежали к одному и тому же роду или одной и той же фратрии, почему возможность брачных отношений между ними в какой бы то ни было форме была исключена. Этому не было места и вследствие матрилокальности брачного поселения. Снохачество, повторяем, — сугубо специфическое явление патриархально-деспотического семейного быта, к тому же особенно благоприятствуемое специальными условиями — солдатчиной, отходничеством и пр.

Как было сказано, история семейной общины на данном этапе характеризуется тенденцией главы семьи обратить общесемейное имущество в свою частную собственность, а наряду с тем такой же тенденцией и взрослых мужчин семьи образовать, вместе с созданием своей индивидуальной семьи, свое собственное имущество.

Тенденции эти, однако, тенденциями и остаются, доколе существует большая семья.

Прежде всего, глава семьи встречает в своей тенденции активное противодействие со стороны членов семьи, а взрослые мужчины — как со стороны всей семьи, так и со стороны ее главы. Выражая диалектику данного этапа развития как собственности, так и семьи, обе стороны, и глава семьи, и ее члены, выступают одновременно защитниками от имени семьи коллективного начала и представителями от своего личного имени — начала частнособственнического. Но частная собственность противоречит самой сущности большой семьи, как формы выражения и воплощения коллективного начала вообще, коллективной собственности в частности. Частная собственность в семейной общине есть некое *contradictio in adjecto*.

Как бы большая семья ни перерождалась и ни вырождалась, она все же остается общиной, все же хранит и воплощает общинное начало, доколе сама существует. Поэтому частная собственность остается в большой семье лишь тенденцией как ее главы, так и ее членов, тенденцией, получающей то или иное реальное выражение, но никогда не получающей своего осуществления и действительно реализующейся лишь в форме распада большой семьи на малые семьи: распад семейной общины и есть победа частной собственности.

²⁹ Х. Самуэли, цит. соч.

³⁰ Острый художественный очерк создавшейся в связи со снохачеством семейной драмы дал А. Ф. Писемский в написанном в 1861 г. рассказе «Батька»; см. его «Избранные произведения», Л.—М., 1932, стр. 461—475.

³¹ См. Ф. Кондратович, Экономические заметки о Болгарии, «Русская мысль», 1884, 2, 4, 5.

Таким образом, как бы широки ни были права большака, до каких бы пределов ни доходило его самовластие, что бы ни говорилось о том, что он является единоличным и полным распорядителем всего семейного имущества, в действительности, и не только с точки зрения правовой, но и фактической, он никогда не достигает неограниченного, на праве частной собственности, права распоряжения этим имуществом.

Правосознание русского крестьянина, русское обычное право, доколе в России существовала большая семья, никогда не признавало частной собственности в этой семье. Право главы семьи распоряжаться общесемейным имуществом, как бы далеко это право ни шло, всегда оставалось ограниченным требованием общего согласия или хотя бы началом пользы для семьи, семейное имущество продолжало признаваться семейной собственностью. На этой позиции стояли как сама семья, так и «мир», так и практика волостного суда.

Эту позицию заняло и русское законодательство, выразив ее в «Положениях», регулировавших крестьянскую реформу 1861 г., так называемых «Общем положении» и «Положении о выкупах». Однако судебная практика неизбежно стала отражать создавшуюся коллизию начал общинного и частнособственнического. Замечательным образом на данном этапе защитником общинного начала выступил Правительствующий Сенат, выразивший это в ряде своих руководящих решений. Приведем одно из наиболее выразительных. В решении по Гражданскому кассационному департаменту, за № 67, 1884 г., Сенат писал: «Следует принять во внимание, что в крестьянском быту издревле сохранилось семейное начало: семья составляет единицу политическую и экономическую; еще до издания Положений о крестьянах 19 февраля 1861 г. сельские общества составлялись из отдельных семейств..., дети мужского пола составляли нераздельную часть семьи отца, хозяйство семьи составляло нераздельную принадлежность всего семейства. В каждой семье старший член был распорядителем хозяйства, представителем», и т. д. «С изданием Положения 19 февраля 1861 г., — продолжал Сенат, — законодательство не ввело никаких изменений во внутреннюю жизнь крестьянского сословия, исторически сложившуюся... Вслед за этой исторической справкой Сенат резюмировал: «Обзор указанных начал приводит к заключению, что выражениями двор, дом выражается понятие о семействе, что домохозяин называется таковым не потому собственно, что он имеет дом, усадьбную оседлость, а как старший член семьи, имеющий в своем владении и землю, и хозяйство, как распорядитель, хозяин, представитель семьи». Так, любопытнейшим образом высший судебный орган царской России выступил здесь защитником коллективной собственности против частной собственности.

Коллизия указанных двух исторических начал получила отражение и в русской юридической литературе, в частности в разыграншемся в конце XIX в., продолжавшемся в первом десятилетии XX в. усиленном обсуждении вопросов о «юридической природе» крестьянского двора, о семейной собственности, правах главы большой семьи и пр. Еще С. В. Пахман указывал, что глава семьи только «считается» собственником общесемейного имущества, однако его право распоряжения этим имуществом ограничено, и пр.³²

В защиту той же точки зрения с разнообразными аргументами выступил затем почти совершенно единодушно ряд других русских юристов³³.

³² С. В. Пахман, Обычное гражданское право в России, т. II, СПб., 1879, стр. 4.

³³ См. И. Тютрюмов, Крестьянская семья, «Русская речь», 1879, 4, 7, 10; А. К. Рихтер, О необходимом наследовании, СПб., 1893; А. М. Гуляев, Крестьянский двор, «Журнал Министерства юстиции», 1899, 4; С. П. Никонов, Домохозяин и его семья, «Право», 1899, 29; А. И. Лыкошин, О семейной собственности у крестьян, «Журнал Министерства юстиции», 1900, 5—6; А. Ф. Мейендорф, Кре-

Обсуждение вопросов о крестьянском дворе, «семейной собственности» и пр. в русской юридической печати было вызвано в свое время предполагавшимся пересмотром X тома Свода законов, причем имелось в виду включить в него никогда в царской России не кодифицировавшиеся положения о гражданском праве крестьян. Обсуждение это исходило в основном из формального толкования различных узаконений и сенатских решений, а равно чисто юридических, отвлеченных положений. Историческая сущность той коллизии двух начал, которая лежала в основе всего этого вопроса, ее закономерность оставались вне понимания авторов этих рассуждений. Так или иначе, как приведенное руководящее разъяснение Сената, так и господствующее мнение русских юристов,— за этой юридической схоластикой, например, игравшим в этих рассуждениях немаловажную роль вопросом, можно ли, если за главой семьи отрицать право собственности на семейное имущество, считая субъектом этого права семью в целом, признавать за ней «природу» юридического лица, — одинаково оказались защитниками коллективной собственности в русской крестьянской семье, причем эта позиция живо и стойко держалась в русской дореволюционной цивилистике до самого последнего времени. Причин этого любопытного явления мы коснемся ниже. Таким образом, не только в бытовой и обычно-правовой действительности, но и в воззрениях закона и юридической теории русская большая семья оставалась формой коллективной собственности, а глава семьи — лишь ее ограниченным распорядителем и представителем. Частная собственность, с этой точки зрения, возникала только с распадом большой семьи на малые.

Если победа частной собственности и распад семейной общины на индивидуальные семьи проходили не без борьбы в семье демократической, то тем более коллизия двух начал и победа частной собственности должны были протекать в отцовской семье в длительной и напряженной борьбе. К распаду пришли в конечном счете семьи обоих типов, и демократическая, и отцовская, однако как борьба, так и победа индивидуального начала протекали в них в совершенно различных условиях и формах. Тогда как для семьи демократического типа ее распад является чем-то вроде «естественной смерти» отжившей общественной формы, распад и раздел семьи отцовской протекает в условиях острой борьбы, насыщен драматизмом и нередко имеет трагический характер.

Вопросы о причинах, обстановке, формах и условиях большесемейных разделов вызвали, в особенности у нас, обширную литературу, трактовавшую эту тему с точки зрения преимущественно юридической³⁴. Не останавливаясь на этих вопросах, отметим лишь те черты данного явления, которые имеют историко-общественное значение.

Крестьянский двор в системе русского законодательства и общинного права и затруднительность его упорядочения, СПб., 1909; см. также А. А. Леонтьев, Крестьянское право, Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах, изд. 2, пересмотренное и дополненное, СПб., 1914.— Защитником противоположной точки зрения выступил в нескольких статьях М. А. Лозино-Лозинский (Крестьянское право, «Вестник права», 1899, 2; Крестьянский двор, там же, 1899, 3; 5; Нечто о законодательной практике и крестьянском дворе, «Право», 1899, 46), вызвав ряд возражений в вышеуказанных статьях. Резко протестуя против распространенного взгляда и судебной практики, в частности против позиции и практики Сената, Лозинский аргументировал тем, что если когда-то крестьянский двор и существовал в качестве формы коллективной собственности, то теперь это давно изжито и ныне не соответствует принципу правового государства. «В правовом государстве,— писал он,— нет места для института крестьянского двора как собственника наделной земли». Впрочем Лозинский и по отношению к прошлому называл крестьянский двор «фискально-полицейской фикцией».

³⁴ См. в частности: Н. Б р ж с к и й, Очерки юридического быта крестьян, СПб., 1902; гл. «Крестьянские семейные разделы», стр. 103—185; Н. Д о б р о т в о р с к и й, Крестьянские юридические обычаи в восточной части Владимирской губернии, ст. II,

Широко распространенным фактом, многократно отмечавшимся, было то, что раздел обычно и преимущественно происходил только со смертью главы семьи — деда или отца, причем именно эта смерть оказывалась поводом к разделу. Это действительно так, ибо в отцовской семье власть большака была главной, а подчас единственной сдерживающей семью силой, противившейся разделу, силой, благодаря которой семья только и держалась. Здесь можно еще раз отметить радикальное различие между сегментацией семейной общины и ее разделом: тогда как там «дети без отцов не делятся», положение здесь можно выразить формулой: «дети при отце не делятся». Энергичную поддержку встречал большак в своем сопротивлении разделу со стороны «мира» и волостного суда. Русское обычное право в сущности не признавало права детей требовать раздела. «Мир» и волостной суд даже наказывали истца, требовавшего раздела, вменяя ему в вину семейный раздор. Столь же активно поддерживал большака и помещик. Лишь в отдельных случаях, когда большак явно разбазаривал семейное имущество, «мир» или волостной суд постановлял о разделе.

Частичным разрешением создавшегося в семье положения был *выдел* — выход из семьи с выделом известной доли имущества одной малой семьи. Эта форма, хотя и имевшая место нередко, являлась все же эпизодической, тем более, что выдел мог произойти только с согласия семьи, в особенности — ее главы, причем и выдел имущества в том или ином размере зависел преимущественно от его воли. Таким образом, общим и ведущим порядком был полный раздел.

Как было указано, раздел семьи демократического типа знает неполную форму, при которой разделившиеся семьи сохраняют известную долю хозяйственной общности, образуя в частности патронимию. Характерную черту раздела семьи описываемого типа составляет то, что он означает полное падение общинного начала и приводит к образованию уже совершенно изолированных в хозяйственном отношении малых семей: полная на данном этапе победа частной собственности уже не оставляет места для какой-либо формы родственно-общинных отношений, разве бы это была бытовая родственная взаимопомощь и пр.

Как относительно причин разделов большой семьи вообще, относительно разделов семьи отцовского типа в особенности множество раз говорилось о вине женщин, их ссорах и пр. Если известная доля правды содержится здесь в том смысле, в каком это было изъяснено выше относительно разделов семьи первого типа, то тем более это относится к семье второго типа. Испытывая на себе не малую долю депрессивного гнета семьи, женщина тем более выступает здесь за индивидуализацию семьи и частную собственность³⁵. Довольно близко к истине подошел в данном вопросе еще Н. В. Калачов. «Одним из видимых к тому поводов, — писал он, говоря о разделах, — бывает почти всегда несогласие между невестками, ... но мы думаем, что настоящая тому причина есть тайное желание каждого семьянина быть самостоятельным, иметь свою отдельную собственность, почему они охотно берут сторону своих жен»³⁶. Менее удачно, отражая так называемую трудовую тео-

Семья, семейные разделы и право наследования, «Юридический вестник», 1889, 6/7; Н. Тесленко, О семейных дележах по обычному праву белорусов, «Этнографическое обозрение», 1891, 1.

³⁵ Другой вопрос, выиграла ли женщина в условиях классового строя после распада большой семьи и стало ли ее положение в малой семье легче или еще тяжелее. См. по этому вопросу спорную статью: И. Харламов, Женщина в русской семье, «Русское богатство», 1880, 3—4, где автор, впадая в изрядную идеализацию большой семьи, утверждает, что положение женщины было здесь более благоприятным, благодаря в частности ее отдельному имуществу, чем в малой семье.

³⁶ Н. В. Калачов, Юридические обычаи крестьян в некоторых местностях, «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», 1859, 2.

рию собственности, подошел к той же мысли М. М. Ковалевский, объясняя ссоры и «сварливость» невесток как «порождение вполне понятного стремления каждой малой семьи удержать в личном обладании продукты собственного труда»³⁷. Пожалуй, более правильно, с присущей народной мудрости меткостью, осветил данный вопрос ответ одного русского крестьянина: «Семьи на волости все переделались: согласия нет, более из-за баб... да, впрочем, нельзя на баб сваливать, и мы виноваты: сами пьем, а баб-то бьем»³⁸.

Итак, не «ссоры женщин», не «индивидуализм», как это тоже часто говорилось и в отношении русской большой семьи, а общий процесс экономического развития и победа частной собственности лежат в основе как разделов, так окончательного распада семейной общины.

В прямой связи с тем же основным положением находится неоднократно отмечавшееся, но не получившее правильного объяснения, явление, по которому при сосуществовании больших и малых семей первые оказывались зажиточными, вторые бедными. Это обстоятельство отражено и народным представлением: «задружна куча тече имуча», задружная, многочисленная семья богатеет, тогда как «инокоштина — сырромашина», малочисленность — бедность, говорилось в Югославии. Указанный факт имеет простое объяснение. Там и тогда, когда общезакономические условия, с одной стороны, еще не уничтожили необходимости в больших семьях, с другой стороны, еще не создали прочной базы для индивидуального хозяйства, удерживающая свои позиции большая семья вполне может оказаться зажиточной, тогда как вновь возникшая малая семья оказывается маломощной, легче подвергается влиянию неблагоприятных условий, случайностей и пр. Это все же — частное явление переходного характера. Основная причина лежит здесь, конечно, в общем процессе обеднения крестьянского хозяйства.

Как сказано, смерть большака была сплошь и рядом поводом к разделу семьи. Но случалось, что с этой смертью большая семья все же не распадалась, сыновья не делились и продолжали совместное хозяйство. Большая семья сохранялась, — однако, на новых, особых началах.

Возглавляет такую семью старший брат либо наиболее подходящий. Вдова умершего, старуха-мать, может остаться главой женского хозяйства, либо же она лишь сохраняет известный авторитет, почетное положение и пр., фактической же «старшой» становится жена нового главы семьи. Со смертью части братьев семья может состоять из дядей или дяди и племянников. Характерную черту составляет то, что со смертью брата-главы пост этот переходит не к его сыну, а к другому брату. Такая семья не только сохраняет общность имущества и прочие начала семейного коллективизма, но и укрепляет их, причем все же сохраняется создавшаяся уже дифференцированность малых семей с их «особиной». Но наиболее характерную и значительную черту этой семьи составляет возврат к демократизму, в частности — совершенно иной характер власти главы семьи.

Как самый факт образования такой семьи после смерти главы, так и происходящее при этом изменение ее характера, неоднократно отмечались. «Надо различать, — писал П. М. Богаевский, — большака брата и отца, так как на практике власть того и другого различна»³⁹. Указав, что после смерти деспотического главы армянской крестьянской семьи главенство переходило к старшему сыну, С. А. Егиазаров писал: «но он далеко не имеет той власти, какая принадлежит отцу семейства.

³⁷ М. Ковалевский, Современный обычай и древний закон, Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении, т. I, М., 1888, стр. 103—104.

³⁸ «Труды Комиссии по преобразованию волостных судов», 7 тт., СПб., 1873—1874; т. III, стр. 320.

³⁹ П. М. Богаевский, Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда, Вятской губернии, М., 1889, стр. 9.

Семья немедленно распадается, коль скоро старший брат начинает злоупотреблять своим правом... Хотя все отцовское имущество и находится в его распоряжении, но он наравне с прочими братьями не имеет личной собственности. Усадьба, наделная земля, огороженные места, скот, земледельческие орудия, хозяйственный инвентарь, домашняя утварь и проч.,— все признается обычным правом семейной собственностью... даже благоприобретенное имущество не составляет исключения»⁴⁰. Одновременно возрождается и выборность главы семьи. Немыслимая в отцовской семье выборность наблюдалась в великорусских больших семьях, когда они сохранялись в указанной форме после смерти большака, и очень наблюдательно отмечал С. М. Пономарев, что «право выбора большака, не существующее еще на Урале, столь распространенное в сердцевине России,— недавнее право»⁴¹.

Еще одну характерную черту данного вида семьи составляет поколенный раздел имущества. Так, если раздел производился между дядей и племянниками — детьми его покойного брата, то имущество делилось пополам таким образом, что на долю всех племянников доставалась половина, т. е. часть их отца.

Образование семьи рассматриваемого вида объясняется тем, что на данном этапе распад большой семьи как формы, экономически обусловленной, оказывается еще преждевременным и она таким образом обнаруживает стремление к самосохранению. Будучи, однако, формой как-никак отживающей, она сохраняется со смертью ее главы, сдерживавшего ее своей деспотической властью, только при условии возврата к былому демократизму⁴².

Особый характер семьи описанного вида бросался в глаза исследователям, однако и ее историческое место, и указанная ее сущность ускользали от их понимания. В результате, подходя к этой семье лишь с формально-юридической точки зрения, С. В. Пахман отказался признать ее семьей. «Что же касается,— писал он,— того союза родственников, который образуется уже после смерти естественного главы семьи, то его никак нельзя приравнивать к семье в собственном смысле... Союз родственников, живущих после смерти отца семьи совместно общим хозяйством и при нераздельности имущества, есть не более как одна из форм «общего владения», при которой, до раздела, хозяйство состоит в ведении одного из родственников, но не на праве отца, а лишь в качестве уполномоченного распорядителя общего хозяйства и имущества. Следовательно, эта форма хозяйственного сожительства, носящая и некоторые черты артели, никак не может быть рассматриваема как союз семейный в собственном смысле слова и потому не имеет ничего общего с теми союзами, о которых идет речь в настоящей главе»⁴³.

В свою очередь выделяя рассматриваемую нами частную форму семьи, М. В. Довнар-Запольский предложил семью, «в которой живут родители с женатыми и замужними детьми», называть большой семьей, а «форму семьи, когда живут нераздельно братья или дяди с племянниками» и пр., именовать семейной общиной⁴⁴,— предложение, могущее только внести путаницу и в терминологию, и так уже достаточно неустойчивую, и в понимание семейной общины, как единого историче-

⁴⁰ С. А. Егiazаров, цит. соч.

⁴¹ С. Пономарев, цит. соч.

⁴² Возможно, что именно этого вида по своему происхождению и характеру были семьи, которые обозначались в Риме выражением *consortium inter fratres*, чешским — *pedilni bratři*, польским — *bracia niedzielna* или *bracia nieoddzieleni*.

⁴³ С. В. Пахман, цит. соч., т. II, стр. 138—139.— В главе, из которой взята приведенная цитата, идет речь о семье, в частности большой семье.

⁴⁴ М. В. Довнар-Запольский, цит. соч., стр. 3.

ского явления. Отмеченная выше, наблюдаемая на многих примерах перемена во внутреннем строе семьи, в частности появление выборности, привели к существенному недоразумению: высказывался взгляд, по которому архаическим типом семейной общины была семья деспотическая, которая с течением времени, в ходе общественного «прогресса», приобретает демократический характер,— положение явно ошибочное.

В связи с вопросом о разделах большой семьи стоит вопрос, которого мы коснулись в начале нашей статьи,— о роли в разделах, вернее, в недопущении разделов и консервации большой семьи, феодально-крепостнической власти. Отчетливый ответ на этот вопрос мы извлекаем из истории семейной общины в России. Русская крестьянская семья была при феодально-крепостническом строе основной тягловой и податной единицей, вследствие чего как до реформы 1861 г., так и после нее государственная власть и помещики естественно ориентировались на «крепкую», зажиточную, впоследствии — кулацкую семью. Отсюда — прямая заинтересованность в сохранении больших семей, как более надежных исполнителей повинностей, и недопущение разделов⁴⁵. На это неоднократно и без обиняков указывалось в литературе. «В России,— писал М. М. Ковалевский, сближая в этом отношении Россию и Францию XIX в.,— как и во Франции, семейная община жила под покровом крепостничества и стала исчезать вместе с его падением. С другой стороны, и государство видело в нераздельной семейной собственности средство к вынуждению податной исправности»⁴⁶. «Столь распространенная во времена крепостного права жизнь большими семьями,— писал А. И. Лыкошин,—...вызывалась прежде всего («прежде всего» — это, конечно, ошибка.— М. К.) хозяйственными соображениями помещиков, находивших крупные дворы для себя выгодными и не допускавших раздела многотягольных семейств»⁴⁷. Рассказав, как Николай Ростов, женившись на богатой Марии Болконской, превратился из лихого кавалериста в ретивого хозяина-помещика, Толстой отмечает: «Семьи крестьян он поддерживал в самых больших размерах, не позволяя делиться»⁴⁸. Можно сказать, что и то решение Сената, и те рассуждения русских буржуазных юристов, которые мы приводили, в которых и царский Сенат, и юристы защищали «семейную собственность», тем самым сохранность большой семьи, определялись, конечно, не какими-либо общими социальными идеями,— если даже в выступлениях отдельных юристов и сказывались отзвуки народнической идеологии,— а прямо отражали указанную феодально-крепостническую ориентацию. Роль феодально-помещичьей власти в консервировании большой семьи наглядно обнаруживается и в том неоднократно отмечавшемся явлении, что как раз с падением в России крепостного права особо усиленным темпом пошли разделы сохранявшихся еще к тому времени больших семей.

Русская большая семья и ее большак находили себе энергичную защиту и поддержку и со стороны «мира». Этим началом было глубоко проникнуто все русское обычное право и судебная практика крестьянского суда. «Самое хозяйство крестьян, все их имущество и трудовые силы имеют для сельской общины,— писал С. В. Пахман,— весьма важное значение как источник и гарантия хозяйственных интересов, и

⁴⁵ О мерах к недопущению разделов среди крестьян как помещичьих, так и государственных и дворовых в XVIII в. см. В. И. Семевский, Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I, изд. 2. СПб., 1903; см. также П. Е. [Ефименко], К истории семейных разделов, «Киевская старина», 1886, 3.

⁴⁶ М. Ковалевский, Первобытное право, вып. I, Род, М., 1886, стр. 40—41.

⁴⁷ А. И. Лыкошин, цит. соч.

⁴⁸ «Война и мир», Эпизод, ч. I, гл. VII.

потому она считает себя в праве вмешиваться с сферу частных хозяйств и семейных отношений, не только наблюдая, чтобы хозяйства не расстраивались, но и препятствуя всяким распоряжениям, которые могли бы повести к такому расстройству, сменяя иногда самих домохозяев и даже не допуская семейных разделов, если от них может ожидать упадок в крестьянском хозяйстве»⁴⁹. Замечания в общем правильные, но недостаточно четкие и весьма односторонние. Дело здесь значительно сложнее. Сельская община оставалась сама представительницей переживающегося первобытно-общинного уклада, но одновременно отражала и ведущие классовые, частнособственнические начала. Отсюда явная и характерная двойственность отношения «мира» к большой семье, а главное — к большаку: «мир», с одной стороны, действительно охранял большую семью, но не только как «источник и гарантию хозяйственных интересов», но и как близкую ему общинную форму, с другой же стороны, весьма активно и энергично поддерживал и защищал большака как представителя близкой ему, по его составу, нарастающей классовой прослойки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главным положением нашего опыта исторической характеристики семейной общины является различие двух основных ее исторических типов: демократического и отцовского. Последний тип большой семьи представляется отнюдь не обязательным и универсальным, как это нередко изображается, отнюдь не воплощается в его якобы архаическом прототипе — пресловутой циклопической семье Гомера, а составляет результат классового перерождения данной формы в особых, классовых условиях, следовательно, тип, с точки зрения общественно-исторической, — далеко не первобытный, а позднейший.

Недостаток материала обусловил, — мы должны признать, — некоторую схематичность и отвлеченность предложенного нами обобщения. Наличие большого числа конкретных описаний различных образцов семейной общины дало бы возможность более дифференцированного к ней подхода: и исследования, и обобщения, равно как и более детальной, дифференцированной же характеристики ее внутреннего быта и внешних отношений. Необходимость таких конкретных описаний нам хотелось бы подчеркнуть, имея в виду, что как ни запоздала наука с изучением семейной общины, возможности ее конкретного исследования все еще сохраняются. Это, в частности, относится, насколько мы можем судить, и к югославянской задруге.

Во всяком случае и независимо от предложенного нами различения двух указанных типов семейной общины, различие в общем характере и строе внутренних отношений ее разных образцов столь очевидно, что распространенные в особенности в старой литературе общие и обезличенные ее характеристики надо признать совершенно несостоятельными. Несостоятельны и те предлагавшиеся отдельными авторами, ориентировавшимися на различные образцы семейной общины, ее характеристики, которые изображали ее иногда диаметрально противоположным образом: у одних авторов — в качестве почти идеального воплощения первобытно-общинного строя, притом застывшего и лишеного движения, у других — в виде деспотической абсолютистской семьи. Столь же неверным оказывается и основанное на том же недифференцированном представлении, распространенное в нашей старой литературе сближение и отождествление югославянской задруги и великорусской большой семьи, в чем повинны, в частности, А. Я. Ефименко, Г. Ф. Блюмен-

⁴⁹ С. В. Пахман, цит. соч., т. II, стр. 3.

фельд⁵⁰, отчасти и М. М. Ковалевский. Конечно, как это должно явствовать из нашего изложения, общие архаические основы: принципы коллективной собственности, коллективного производства и потребления здесь те же, но — как радикально различны условия и формы выражения этих принципов. Столь яркие фигуры великорусского отца-большака или его жены — большухи-свекрови совершенно немыслимы в югославянской задруге.

Неразличением указанных нами двух основных типов большой семьи объясняются и иные неправильные оценки. Таково, в частности, многократно высказывавшееся мнение о подавлении личности в большой семье. «Задруга, — писала, например, А. Я. Ефименко, — страшным гнетом лежит на личности своих членов. Ни малейшего проявления индивидуальности не допускает она», и т. д.⁵¹ На деле и в этом отношении между демократической и отцовской семьей существует радикальное различие: тогда как первая, в частности по общему правилу югославянская задруга, дает место значительной свободе личности, во всяком случае, не только не унижает, но обеспечивает личное достоинство, совершенно иное очевидным образом представляет собой в смысле положения личности семья отцовская. И в этом вопросе мы поневоле должны ограничиться, в особенности по отношению к задруге, такой общей оценкой, и привлечение большего конкретного материала и более детальное проникновение во внутреннюю жизнь семейной общины должно эту оценку проверить и уточнить.

Вообще настоящая наша работа имеет в целом предварительный характер и наши обобщения должны быть приняты лишь в качестве первых приближений. Быть может, все же наш опыт принесет некоторую пользу тем, что обратит внимание исследователей и конкретных образцов большой семьи, и данной темы в целом на те стороны шестисемейных отношений, которые остались у нас неосвещенными или плохо освещенными или неправильно освещенными. Новый исследователь этой темы сможет тогда исправить, уточнить и углубить наше представление о семейной общине и ее историческом развитии.

⁵⁰ Г. Ф. Блюменфельд. К вопросу о землевладении в древней России, «Записки Новороссийского университета», 39, 1884.

⁵¹ А. Ефименко, Задруга и великорусская семья, в книге: А. Ефименко, Исследования народной жизни, I, Обычное право, М., 1884; первоначально под заглавием: «Крестьянская женщина, Этнографический этюд», «Дело», 1873, 2—3.